

Леонид Люкс

Русский государственныйник Петр Струве (1870-1944). К семидесятилетию со дня смерти¹

Эволюционизм или революционизм?

В октябре 1917 г. в России возник первый в новейшей истории тоталитарный режим – утопия пришла к власти, как определили этот процесс русские историки Михаил Геллер и Александр Некрич². За несколько лет до того о возможности такого развития событий предостерегал ряд русских мыслителей, решительно выступавших против катастрофических последствий подобных утопических устремлений. Среди этих мыслителей были авторы изданного в 1909 г. сборника *Вехи*. В группе «Вехи» Петр Бернгардович Струве принадлежал к наиболее политически ангажированным авторам. Как и его единомышленники – Бердяев, Франк или Булгаков, – Струве к началу XX в. избавился сначала от марксистских, а потом постепенно вообще от революционных искушений.

Еще во время русско-японской войны Струве в основном разделял пораженческие взгляды, хотя и не столь радикальные, как у большинства других русских критиков царского режима³. Через несколько лет он превратился в защитника русской государственности и все острее полемизировал с государственным нигилизмом подавляющего большинства представителей русской интеллигенции. Отчуждение интеллигенции – наиболее активной части политического класса России – от собственного государства Струве считал самой большой трагедией страны.

После революции 1905 г., несмотря на «Манифест 17 октября», изменивший основы существующей системы и введший разделение властей, в царской империи произошел поворот к реакции. Струве объяснял этот факт не в последнюю очередь тем, что авторитетные силы страны уклонялись от сотрудничества с реформистски настроенной частью правящей бюрократии.

В начале XX в., вошедшего в историю как век крайностей, революционного насилия и безбрежного тоталитарного террора, Струве провозгласил решительное «нет» насилию как средству политики: «Петр I, Конвент научили нас шагать

¹ Расширенная версия статьи, первоначально опубликованной в сборнике: Петр Бернгардович Струве. М., 2012.

² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон 1977.

³ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 37, 41-42, 45-46.

семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадет на дороге»⁴.

Струве, который после своего разрыва с «легальным марксизмом» превратился в страстного сторонника либеральной мысли, боролся с любыми проявлениями «революционаризма» и решительно отстаивал путь политической и социальной эволюции. Революционных фанатиков он сравнивал в речах 1906 г. с их противоположностью – поборниками полицейского государства. И те и другие считали насилие и принуждение всеисцеляющим средством⁵. Сторонники эволюции, напротив, не стремились «заставить общество быть счастливым», но пытались воспитать его. Отсюда – возникновение непреодолимой пропасти между революционным и эволюционным мировоззрением. Последнее учитывало сложность общественного развития и предостерегало от простых и быстрых решений. «Революционаризм», напротив, отличала нетерпимость и стремление к немедленному осуществлению социальной утопии. «Революционаризм» являлся для Струве символом социальной утопии; эволюционизм, напротив, олицетворял собой более высокую и зрелую ступень развития общественной мысли.

В русской революции 1905 г. доктринальный утопизм интеллигенции впервые объединился с созревающим на протяжении поколений гневом низших слоев – народным гневом. «В той революции, которую пережили мы, интеллигентская мысль соприкоснулась с народной – впервые в русской истории в таком смысле и в такой форме», – развивает Струве свои мысли в статье, опубликованной в 1909 г. в сборнике *Вехи*⁶.

В XVII–XVIII вв. казачество – самый беспокойный в социальном плане и в то же время опытный в военном деле элемент – было неоспоримым лидером всех народных выступлений, направленных против господ, пишет Струве. После разгрома последнего крупного народного восстания 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева монархия все же смогла осуществить «огосударствление» казаков, предоставив им широкие социальные привилегии. Тем самым крестьянство в своей борьбе против социального угнетения лишилось руководящей силы. Во время революции 1905 г. интеллигенция заняла это руководящее место, бывшее вакантным с конца XVIII в.: «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершалась с ошеломляющей быстротой. В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс, заключалась не просто политическая ошибка ... Тут была ошибка моральная. В основе тут лежало представление, что "прогресс" общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, кото-

⁴ Струве П. Идеи и политика в современной России / Струве П.Б. Избранные сочинения, М. 1999. С. 57, 58.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Петр Струве. Интеллигенция и революция / Струве. Избранные сочинения. С. 171.

рую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению»⁷.

Будучи «русским европейцем» Струве, как правило, анализировал внутривосточное политическое развитие в общеевропейском контексте⁸. Так как русская революция и западный социализм судьбоносно переплелись между собой, Струве, разумеется, никогда не упускал из виду эту взаимозависимость. При описании новейших тенденций развития европейского социализма, как и при анализе внутривосточной ситуации, Струве интересуется соотношением и революционных и эволюционных тенденций, силовое напряжение, возникшее между ними. Факт, что в западном марксизме вследствие спора с ревизионизмом все более усиливались реформистские идеи, Струве рассматривал как знак предстоящего заката социалистического движения: «социализм выветрился или выветривается, как религия. Происходит обмирщение социализма и падает "хилиастическая" вера в его осуществление», – писал Струве в 1907 г. в статье «Facies Hippocratica»⁹.

Исчезновение «хилиастических» ожиданий социалистов вызвало у Струве ассоциации с развитием раннего христианства. Христианство переживало глубокий кризис, по мере ослабления веры в скорый конец этого греховного мира и пришествие «царства Божия на земле». Струве считал, что социализм, в отличие от христианства, не был в состоянии пережить выхолащивание связанных с ним «хилиастических» ожиданий: созидательный потенциал социалистических идей нельзя соизмерять с духовным посланием христианства.

Струве рассматривает вопрос, возможно ли оживить социализм, вернувшись к его романтическим революционным истокам, к чему стремились радикальные силы, находившиеся на краях марксистского движения. Его ответ: однозначно нет. В этой связи он вступает в острый спор с Жоржем Сорелем, чьи «Размышления о насилии» были изданы в 1907 г. Сорель призвал социалистов, ставших миролюбивыми, к последней битве с ненавистным им буржуазным миром. Однако его прославление насилия и войны не смогло предотвратить закат социалистического движения. Напротив, апологетика насилия и войны стала знаком декаданса, близкого конца социализма. «Размышления о насилии», как и другие тексты деятелей возглавляемого Сорелем синдикалистского движения, лишь символизировали агонию социалистической идеи. Поэтому Струве назвал синдикализм «Facies Hippocratica» социализма: «так называли в древности по имени великого врача Гиппократы, нарисовавшего живую картину приближающейся смерти, лицо, на котором лежит уже отпечаток кончины. В произведениях философов синдикализма перед нами "Facies Hippocratica" социализма, основанного на возведении классового начала в абсолют»¹⁰.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ См. Колеров М. Петр Струве как мыслитель. Вводные замечания // Петр Бернгардович Струве / Сост. О. Жукова, М. Кантор. М., 2012. С. 95.

⁹ Струве П. Facies Hippocratica. К характеристике кризиса в современном социализме / Струве. Избранные сочинения. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 74.

То обстоятельство, что Франция стала центром синдикалистского движения, Струве объяснял экономической и демографической стагнацией этой страны по сравнению с другими, динамично развивающимися странами, такими, как Германия или Великобритания: «Синдикализм возник и "могуществен" там, где рабочие союзы или синдикаты слабосильны»¹¹; «реакционному капитализму [Франции] и малоподвижной буржуазии соответствует [типичный для этой страны] революционный социализм и бунтарский пролетариат»¹². По Струве, в таких высокоразвитых индустриальных странах, как Германия или Великобритания, в рабочем движении, напротив, успешно развиваются эволюционные тенденции.

Прогноз Струве оказался дважды неверным. Основанное на насилии течение внутри марксистского движения, которому Струве еще в 1907 г. выдал свидетельство о смерти, на самом деле коренным образом повлияло на судьбу всего XX в. В центре этого течения, однако, была не «отсталая», по мнению Струве, Франция, а значительно «более отсталая» Россия, в которой промышленный пролетариат составлял лишь незначительную, второстепенную часть общества. В 1908 г. Струве отмечал, что в России кризис социализма проявляется глубже, чем это считалось на западе, так как он тесно связан с кризисом традиционного мировоззрения интеллигенции – уникального явления в Европе. Струве в 1908 г. не мог предвидеть, что радикальное крыло русского социализма, представленное партией большевиков, не поддастся процессам эрозии общеевропейского марксистского движения. Он недооценил способность основателя и «мотора» партии большевиков отмахивать все сомнения, неопределенности и личные конфликты. Другая ложная предпосылка Струве была связана с его недооценкой способности умеренного крыла европейской социал-демократии к переменам. Тот факт, что в начале XX в. идея эволюции становилась все более популярной среди деятелей основанного в 1889 г. II Интернационала, никоим образом не свидетельствовал о закате социал-демократического движения, как это предсказывал Струве. Напротив, не в последнюю очередь потому, что эта часть рабочего движения пошла по пути реформ и примирилась с демократическими идеями, социал-демократические партии стали важной движущей силой европейского обновления и стойкими противниками основанных на насилии и терроре режимов, созданных их бывшими левыми единомышленниками. В заключение я хотел бы указать еще на некоторые парадоксы аргументации Струве. Он видит важную предпосылку предотвращения политической катастрофы в России в замене революционной идеологии эволюционными взглядами. Аналогичное развитие европейской социал-демократии Струве рассматривает как начало ее конца.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же.

Призыв Струве к русскому великодержавию

Приверженность Струве русской государственности, но не царскому режиму, который он характеризовал как «реакционный», вызвало возмущение многих представителей интеллигенции, считавших существующий государственный строй, даже после преобразования неограниченного русского самодержавия в думскую монархию, воплощением зла. Негодование этой части интеллигенции еще более усилилось, когда Струве в статье «Великая Россия» (1908 г.) выступил в качестве сторонника русского великодержавия и имперского статуса России. Эта статья была инспирирована знаменитой речью премьер-министра России П.А. Столыпина 10 мая 1907 г., в которой он сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»¹³. Как и в своих текстах о революции и эволюции, Струве и в этом труде боролся на два фронта – и против радикальных противников русской государственности, и против ее реакционных защитников. И для тех и для других внешняя политика представлялась лишь приложением к политике внутренней. Так, революционные партии считали повышение благосостояния граждан единственно достойной задачей государства. Стремление к внешней мощи лишь отвлекало от этого, по их мнению, важнейшего благородного дела. Но и защитники существующего режима, выступавшие против реформ, также руководствовались внутривнутриполитическими приоритетами и пытались использовать внешнюю политику для отвлечения внимания населения от внутривнутриполитических конфликтов. Характерной в этом плане была авантюрная дальневосточная политика царского правительства, главным образом министра внутренних дел В.К. Плеве. Это «был один из тех людей, которые толкали Россию на войну с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы»¹⁴.

Тезис Струве подтверждался высказыванием бывшего премьер-министра России С.Ю. Витте, который в своих воспоминаниях цитирует следующие слова Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»¹⁵. За эту авантюру, говорил Струве, Россия должна была дорого заплатить. Однако после поражения в русско-японской войне сторонники русского авторитаризма проводили полностью противоположную политику. Они теперь вели себя «смирненно» и ненавязчиво и старались избегать любых внешнеполитических рисков. В основе такого поведения была та же мотивация, что и в прежней аван-

¹³ Струве П. Великая Россия / Струве. Избранные сочинения. С. 182; он же. Дневник политика (1925-1935). М.-Париж, 2004. С. 384; см. также Вандалковская М. Россия в творчестве П.Б. Струве / Петр Бернгардович Струве. С. 57-58; Гайденок П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) / там же. С. 242; Кантор В. Петр Струве: Великая Россия или Идея так и не ставшая реальностью / там же. С. 21, 23-25.

¹⁴ Там же. С. 183.

¹⁵ Граф Сергей Витте, Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. 1. С. 262.

тюристической политике – поддержание существующего внутривнутриполитического статус-кво, причем любой ценой. Такая малодушная внешняя политика, по Струве, не достойна Великой державы. Каждое великое государство должно стремиться к всеобъемлющей внешней политике, с далеко идущими целями. Только в этом случае государство могло бы побудить общество к самоидентификации с ним. По Струве, для царской империи такой целью могла быть идея современной и сильной России. Струве спрашивает себя, в каком географическом направлении должны развиваться властные устремления обновленной России. Это ни в коем случае не должен быть Дальний Восток, который не играет никакой роли в коллективном сознании русских. Это, скорее, должен быть регион, веками эмоционально связанный с Россией, – такой, как бассейн Черного моря. При этом речь шла не о насильственном завоевании этих территорий, а об их мирном освоении, прежде всего, экономическом и культурном. Струве писал: «Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область – *весь бассейн Черного моря*, т.е. все европейские и азиатские страны, "выходящие" к Черному морю. Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис... На этом реальном базисе – и только на нем – неустанною культурною работою, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Великая Россия. Она должна явиться не выдумкой реакционных политиков и честолюбивых адмиралов, а созданием народного труда, свободного и в то же время дисциплинированного»¹⁶. Струве считал ахиллесовой пятой русской государственности то, что государство долгое время было представлено лишь правящей элитой, считавшей государство своей собственностью, и, следовательно, категорически отрицавшей участие общества в принятии политических решений. При этом до революции 1905 г. правящая группировка ощущала поддержку «безмолвствующего» народа. События 1905 г., так же, как и отношение народных масс к выборам в Первую и Вторую Государственную Думу (1906 г., 1907 г.), разрушили этот миф. Наконец-то правительству стало ясно, что оно утратило поддержку не только образованных слоев, но и простого народа, и сидит на вулкане. Все это принуждало его к пассивной и трусливой внешней политике. Но таким путем нельзя было достичь всеобъемлющих национальных внешнеполитических целей. Чтобы покончить с такой ситуацией, Струве призывал к прекращению конфронтации между правительством и оппозиционным ему обществом: «Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства. "Правящие круги" должны понять, что, если из великих потрясений должна выйти Великая Россия, то для этого нужен свободный,

¹⁶ Струве. Великая Россия. С. 186.

творческий подвиг всего народа... Государство и нация должны органически срастись»¹⁷.

Как можно достичь этой цели, Струве показывает на примере Пруссии времен так называемого «конституционного конфликта» начала 1860-х годов. Тогда, как известно, дело дошло до острой конфронтации между либеральным большинством прусского ландтага и консервативным госаппаратом, который во многом лишил правительство его конституционной основы. Этот конфликт напоминал разногласия Первой и Второй Государственной Думы с царским правительством в 1906–1907 гг.

То, что прусский «конституционный конфликт», поставивший страну на грань пропасти, был успешно разрешен, возвращает Струве к мыслям о немецкой национальной идее, которая побуждала обе конфликтующие стороны к совместным действиям, а также к рассуждениям о способности Бисмарка, действуя «сверху», воспользоваться этой идеей: «Величие Бисмарка как государственного деятеля заключалось, между прочим, в том, что он никогда не смешивал государства ни с какими лицами. Власть и народ примирились на осуществлении национальной идеи, и объединенная Германия, утверждающая свою внешнюю мощь, сумела органически сочетать исторические традиции с новыми государственными учреждениями на демократической основе всеобщего избирательного права»¹⁸.

Струве представлял себе возможность подобного решения и для внутрироссийского конфликта. Для этого должна быть найдена общенациональная задача, которая объединила бы обе конфликтующие стороны. Струве ясно, что найти такую общую задачу в многонациональной России значительно сложнее, чем в национально однородной Германии. Поэтому он обращается к руководству государства с призывом изменить существующую национальную политику, чтобы превратить национальные меньшинства, составляющие более половины населения империи, в сторонников идеи сильной и прогрессивной России.

При этом прежде всего требовали решения еврейский и польский вопросы. Русских евреев Струве считал той частью населения, которая вследствие своего предпринимательского духа может быть наиболее ценна для модернизации и экономического усиления России. Но участие евреев в проекте, называемом «Обновление России», имело своей предпосылкой их полную эмансипацию. Аналогичные аргументы выдвигали некоторые просвещенные представители петербургской бюрократии, прежде всего уже упоминавшийся С.Ю. Витте. Однако в своем стремлении прекратить дискриминацию евреев они не могли одолеть антиреформаторские силы внутри правящего истеблишмента.

Струве хотел примирить с русским государством и польское национальное меньшинство. Он считал, что до тех пор, пока продолжалась польско-русская

¹⁷ Там же. С. 198; см. также Колеров. Петр Струве. С. 88; Жукова О. Единство культуры и политически: либерально-консервативный проект П.Б. Струве в созидании России / Струве. С. 113.

¹⁸ Там же. С. 199.

конфронтация, не заслуживала доверия политика солидарности России с западными и южными славянами. Тот факт, что статья Струве подчеркивает важность славянского фактора, является свидетельством поворота в мышлении патриотической части русского общества. Тем самым эта часть русского общества примыкала к традиционному панславянскому течению, которое особенно в 1870-е годы достигло своего апогея. Тогда большинство русских было солидарно с восстанием болгар, жестоко подавленным османами («зверская расправа с болгарами» – Гладстон). Следствием солидарности России стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., которую гёттингенский историк Райнхард Виттрам назвал первой и единственной панславянской войной России¹⁹. Тот факт, что вскоре после своего освобождения русской армией болгары отвернулись от России, остудил в России панславистский пыл. Интерес к угнетенным южным и западным славянам сильно уменьшился. Лишь поражение царской империи в русско-японской войне вновь оживило в России идею всеславянской солидарности, причем не только в национально ориентированных правых кругах, но и среди либералов. Доказательства тому – высказывания Струве. В аналогичном смысле высказывались тогда и другие представители либерального спектра русской общественности, в частности, князь Евгений Трубецкой, который призвал своих соотечественников к усилению солидарности со славянскими народами: «Россия надолго ослаблена неудачной внешней войной (с Японией – Л.Л.) и внутренним хаосом; с болью в сердце мы вынуждены признать, что вооруженный конфликт с Австрией и Германией теперь не будет борьбой на равных... Но мы не должны забывать, что кроме военной мощи есть еще и сила культуры, сила идеи, на которые мы можем опереться. Это сила симпатии народов; если мы завоюем долговременные симпатии австрийских славян, война Австрии против нас станет невозможна... Поэтому осуществление культурного единения с западными и южными славянами – одна из наших важнейших национальных задач»²⁰.

Однако вернемся назад к Струве и его высказываниям по польскому вопросу. Струве предостерегает петербургское правительство от повторения ошибки Пруссии, пытавшийся германизировать Польшу, и аналогичного желания – русификации Польши: «Между русскими и поляками на территории Царства Польского никакой культурной или национальной борьбы быть не может: русский элемент в Царстве представлен только чиновниками и войсками»²¹. Так что в своей польской политике у России нет иного выбора, как ее либерализация. Это чрезвычайно подняло бы престиж России во всем славянском мире.

Призыв Струве к просвещенному патриотизму на первый взгляд представлял собой убедительную альтернативу шовинистической антисемитской программе

¹⁹ Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // Historische Zeitschrift. 1959. № 187. P. 588.

²⁰ См. Golczewski F., Pickhan G. Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte. Göttingen 1998. P. 195.

²¹ Струве. Великая Россия. С. 193.

русских правых; он в течение следующих лет во многом повлиял на умонастроения широких кругов русской интеллигенции, сначала настроенных радикально антинационалистически. Не в последнюю очередь поэтому пораженческие настроения в начале Первой мировой войны проявились лишь у маргинальной части политического класса. Подавляющее большинство образованных слоев России в августе 1914 г. было охвачено националистической эйфорией. Также как это было и в Германии, во Франции или Великобритании – оно приветствовало разразившуюся тогда европейскую «пракатастрофу» (Джордж Кеннан). Вопреки своему скепсису по отношению к царскому режиму, большинство образованных в духе Струве русских людей солидаризировалось со своей нацией и восприняло войну против Центральных держав как «отечественную войну». В России, в отличие от других воюющих стран, этот национальный единый фронт, от которого откололись лишь большевики и некоторые другие леворадикальные группы, имел, однако, двойную трещину. Во-первых, здесь нужно упомянуть традиционную глубокую пропасть между «верхами» и «низами» общества. Не европеизированные «низы» переживали эту войну иначе, чем образованный слой – не как «отечественную войну». Пока социальные «низы» России придерживались традиционных мировоззренческих установок, для них олицетворением государства был православный царь. Утрата «низами» веры в царя, наблюдавшаяся в России в начале XX в., неизбежно вела к ослаблению их связей с государством. Современная национальная идея, рассматривающая собственное государство независимо от его религиозной коннотации в качестве венца творения, находилась в России в зачаточном состоянии и была распространена только среди образованных людей. Таким образом, в России народные массы расстались с традиционными представлениями о российском государстве, не найдя связи с новейшей национальной идеей. Они пребывали в неопределенности между двумя эпохами. И именно в этой ситуации после начала Первой мировой войны от них потребовалась максимальная жертвенность. Без широкой идентификации народных масс с целями войны, которые преследовало государственное руководство, без солидарности народа с господствующей государственной идеей такое его использование было невозможно в долгосрочной перспективе. Не удивительно, что царизм проявил себя как самое слабое звено в цепи ведущих войну режимов и первым пал под натиском мировой войны. Несмотря на некоторые серьезные неудачи, положение на фронтах сначала было отнюдь не катастрофическим. Разложение армии началось лишь после свержения царя. Быстрый распад одной из старейших монархий Европы, произошедший после всего лишь трех дней революционной борьбы в ее столице, был, прежде всего, связан с тем, что монархия утратила всякую связь со своим народом – как с «низами», так и с политическими элитами²².

²² Если «низы» выступили против тогдашнего режима, прежде всего потому, что они «больше не понимали свое собственное государство, его политических целей и идей» (Г. Федотов), то национально ориентированная часть политического класса России выступила против царя по

Вторая трещина в рядах национального народного фронта, к которому стремился Струве, проходила не вертикально, как пропасть между «верхами» и «низами», а горизонтально. Она расколола Российскую империю по этническим границам некоторых ее национальных территорий (в этом Россию можно сравнить прежде всего с монархией Габсбургов).

Струве, как уже отмечалось, был либерально настроенным патриотом и выступал за далеко идущие уступки национальным меньшинствам в стране. Однако он никоим образом не собирался ставить под вопрос территориальную целостность российского государства. Так, он считал само собой разумеющейся принадлежность Польского королевства к Российской империи и неоднократно превозносил имперский характер России: «Всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом»²³.

Однако после начала Первой мировой войны эта точка зрения стала анахронизмом. Право наций на самоопределение представляло собой своего рода фетиш мировой войны. Так, попытка Габсбургской империи унизить маленький самостоятельный народ – сербов – стала непосредственным поводом к развязыванию мировой войны. Вступление Великобритании в войну, которое превратило европейскую войну по-настоящему в мировую, было также официально мотивировано нарушением независимости другого небольшого народа – бельгийцев. Но и Германская империя пыталась создать впечатление, что она борется за освобождение народов, страдавших под гнетом царизма. Историк Людвиг Дехио указывал на то, что Германия пыталась оправдать «собственные требования безопасности и продвижения на Восток, тем, что она... играет роль оплота Запада против варварства Востока»²⁴. Конечно, Центральным державам, чьи войска оккупировали Бельгию, Сербию, Польшу, Румынию и часть Прибалтики, не так легко было убедить мировую общественность, что они борются за самоопределение народов. Положение стран Антанты было гораздо проще. На европейском континенте они повсюду были в обороне. Казалось, что их лозунг «Война за свободу малых народов» вызывал больше доверия. Впрочем, не только Германия, но и либерально настроенная часть русского общества имела значительные проблемы с интерпретацией права наций на самоопределение. Буквальное осуществление этого права означало отказ от большей части территорий, присоединенных к России с начала Нового времени, отказ от империи.

совсем иным причинам. Она подозревала именно царскую семью в том, что та в недостаточной степени идентифицирует себя с войной.

²³ Петр Струве. Отрывки о государстве / Струве. Избранные сочинения. С. 205; см. также Кантор. Петр Струве. С. 21-22.

²⁴ Dehio L. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955. P. 100.

Русская революция как «самоубийство государствообразующей нации»

Сразу после большевистского государственного переворота, разрушившего учрежденную в феврале 1917 г. «первую» русскую демократию, Струве в статье «В чем революция и контрреволюция?» предпринял попытку охарактеризовать события 1917 г. Согласно Струве, так славно начавшаяся революция превратилась в «солдатский бунт, ... в грандиозный и позорный *всероссийский погром*»²⁵. Тревогу Струве по поводу поведения солдат, освобожденных после свержения династии Романовых от оков военной дисциплины, разделяли представители почти всех тогдашних политических групп России, в частности, многие социалисты. Меньшевик Ираклий Церетели, одна из центральных фигур влиятельнейшего учреждения Февральской революции – Петроградского Совета, писал: «Особый характер революции придавала повсеместность солдатских масс, которые своим поведением в феврале 1917 г. обеспечили победу революции. Революционная приверженность этих масс была вызвана не социалистическими идеалами, а их элементарной ненавистью к старому режиму. Хотя недовольство солдат смело старый режим, они не понимали настоящего смысла происходивших процессов. Задачей вождей революции было просвещение этих людей, не имевших элементарного политического образования, объяснение им основ свободного демократического общества. Только таким путем можно было преодолеть огромную опасность, которую представляли для революции эти анархические массы»²⁶.

Наряду с мародерствующими солдатами, Струве называет и других участников всероссийского погрома 1917 г., а именно: крестьянские и пролетарские массы, которые под прикрытием социалистической фразеологии грабили чужое имущество и удовлетворяли свое стремление к наживе. Так что в России, по мнению Струве, после отмены существовавшего экономического строя произошла не победа социализма, а скорее «буржуизация» «низов» общества: «Сейчас "социалистическая" волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с ней в борьбу»²⁷.

Этот тезис Струве свидетельствует о недооценке им динамики социалистической идеи, которая представляла собой важнейшую идеологическую основу тогдашнего революционного процесса. Социалистическую идею народные массы России интерпретировали по-своему, связывая ее с древним русским идеалом о справедливости, основанной, прежде всего, на равенстве. В этой связи Георгий

²⁵ Струве П. В чем революция и контрреволюция? / Струве. Избранные сочинения. С. 253; см. также Бердяев Н. Духовные основы русской революции / он же. Сочинения. Париж, 1990. Т. 4. С. 54, 92, 163-164; Вандалковская. Россия. С. 60-61.

²⁶ Церетели И. Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963; Suchanov N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967. P. 204-205.

²⁷ Струве. В чем революция и контрреволюция. С. 256.

Федотов говорил, что из всех форм справедливости для русских на первом месте находилось равенство²⁸.

По мнению Струве, в развязывании разрушительных страстей масс в первую очередь были виновны русские элиты (аналогично аргументировали также Семен Франк и Николай Бердяев). Безудержная пропаганда социалистической интеллигенции лишь разжигала погромные настроения среди русских крестьян и рабочих.

Но и господствующие слои были также виновны в катастрофе 1917 г., а именно в том, что они «ради сохранения своих отживших прерогатив» преступно задерживали «культурное и политическое развитие нации... Главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной»²⁹.

Особенно подробно Струве изучает ответственность русских элит за катастрофу 1917 г. в написанной им в августе 1918 г. статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», опубликованной в инициированном им сборнике *Из глубины* («*De profundis*»). При этом он далеко уходит в историю. С точки зрения Струве, одной из главных причин русской революции стали события 1730 г., которые прочно запечатлелись в коллективной памяти нации. Тогда именитые представители русской аристократии пытались использовать период междуцарствия, наступившего после смерти молодого царя Петра II, чтобы превратить Россию в конституционную монархию. Однако новая императрица Анна с помощью лейб-гвардии и среднего дворянства, не поддержавших инициативу высокопоставленных представителей правящего сословия, подавила стремление русской знати к свободе. Таким образом, большинство дворян решило не участвовать в процессе принятия политических решений в стране. Этот отказ был компенсирован социальными привилегиями дворянства. Зависимость крестьян от помещиков после 1730 г. стала еще сильнее: «Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы». Для сохранения социальных привилегий дворянство согласилось со своим политическим бесправием, – продолжает рассуждения Струве. «Русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства»³⁰. Это внушило самодержавию опасное чувство полной независимости от общества. Тем самым был приведен в действие опасный порочный круг. У дворян, державшихся в стороне от государственных дел, формировались антиправительственные настроения, в особенно разрушительной форме свойственные интеллигенции, которая первоначально была дворянской по происхождению. Эти настроения постепенно передавались крестьянам, подстре-

²⁸ Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 89; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 172-174.

²⁹ Струве. В чем революция и контрреволюция. С. 257; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 80, 88, 99, 216; Вандалковская. Россия. С. 295.

³⁰ Петр Струве. Исторический смысл русской революции / Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 295.

кая их к радикальным выступлениям против собственного государства. Порочный круг замкнулся. Взаимозависимые пороки русского самодержавия и русского общества вызвали «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), который уничтожил русское государство.

Как «*homo politicus par excellence*»³¹ Струве не согласился с так называемым «приговором истории» – т.е. с победой большевиков и принял участие в борьбе белого движения против красной диктатуры. О внутренней эмиграции, которую выбрали для себя такие созерцательные натуры, как Николай Бердяев и Семен Франк, для Струве не могло быть и речи. Франк, в написанной им позже биографии Струве, писал, что он не разделял оптимизма Струве по поводу перспектив победы белых. Так как белое движение в значительной части состояло из представителей прежних господствующих слоев общества, оно было неприемлемо для русских «низов» с их глубоко укоренившейся «вековой обидой на "бар"». По этой причине белое движение, по мнению Франка, с самого начала было обречено на поражение³². Струве решительно отвергал эту фаталистическую точку зрения. Таким образом, между двумя мыслителями и друзьями возникли разногласия, которые привели к временному отчуждению между ними. В ноябре 1919 г., когда белая армия генерала Деникина после сокрушительного поражения под Орлом начала отступление, Струве выступил в Ростове, одном из последних бастионов белого движения, с речью, в которой пытался дать историческую классификацию эпопеи русской революции и гражданской войны.

Струве отклонял сравнение русской революции с французской: «Французская революция не только провозглашала идеи, но... и осуществила свои идеи... Не то в русской революции. Все, что от нее останется, противоречит идеям, ею провозглашенным... Она провозгласила социализм, но в действительности она есть опытное опровержение социализма... Начав с провозглашения мира,... [она] с неслыханным упорством начала войну, всем ей жертвуя и ради самосохранения все подчиняя социалистическому милитаризму. Обещание немедленного мира превратилось в реальность непрерывной войны. Уничтожение армии привело к превращению всего государства в красную армию»³³.

Так как русская революция, по мнению Струве, не похожа на французскую, он ищет другие исторические параллели и находит их во временах смуты начала XVII в., когда русское государство переживало разложение, аналогичное событиям 1917–1918 гг. В обоих случаях к распаду русской государственности вели как внешне-, так и внутривосточные факторы. К началу XVII в. Польша, а через триста лет – Германия, были заинтересованы в ослаблении российского государства. Обе державы были связаны с антигосударственными элементами в России и оказывали им широкую поддержку. Тому, что Россия в начале XVII в., вопреки предательству элит и разрушительной ярости анархистских масс, смогла удержаться

³¹ «Человек преимущественно политический» – лат.

³² Франк. Биография П.Б.Струве. С. 126; см. также Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 748.

³³ Струве П. Размышления о русской революции / Струве. Избранные сочинения. С. 286-287.

жать себя от разложения, страна была обязана своему национальному пробуждению: «Россию спасло... национальное движение средних классов, руководимое идеальными мотивами охраны веры и церкви и спасения государства»³⁴.

Это национально-освободительное движение, центром которого был Нижний Новгород, Струве сравнивает с Добровольческой армией белых, которая была создана на еще не занятых большевиками казачьих землях Кубани и Дона. Добровольческая армия, по мнению Струве, представляет собой ядро национального возрождения России, аналогичное освободительному патриотическому движению 1612 г., которое покончило со смутой: «Единственное спасение для нас – в восстановлении государства через возрождение национального сознания... Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»³⁵.

Однако пропагандируемая Струве программа национального возрождения в то время была неосуществима. Она уделяла слишком мало внимания духовному состоянию, в котором пребывало подавляющее большинство русского народа. У нее были такие же недостатки, что и призыв Струве 1908 г. к русскому великодержавию. Струве недооценивал масштаб национального нигилизма, охватившего русские «низы», не учитывал отсутствие готовности большей части национальных меньшинств идентифицировать себя с русской национальной идеей. О росте национального нигилизма народных масс России во время революции и гражданской войны можно судить по тому факту, что сотрудничество Ленина с немцами – противниками России в войне, которое было документально доказано Временным правительством, никоим образом не помешало победе большевиков. Другой признак антинационального поведения низших классов – их равнодушная реакция на унижительный для России мирный договор в Брест-Литовске, аналогичный Версальскому миру, позже навязанному западными державами-победительницами Германии.

Струве снова и снова подчеркивает, что русская революция с самого начала приняла антипатриотический, антинациональный и антигосударственный характер, что она «была сочетанием отвлеченных радикальных идей, на которых воспиталась интеллигенция, с анархическими, разрушительными и своекорыстными инстинктами народных масс. Она была пугачевщиной во имя социализма»³⁶. На кого же, учитывая сложившееся положение дел, были рассчитаны обращения Струве к русскому народу; на кого он хотел повлиять? Лишь на уже убежденных представителей национально ориентированной элиты, которая, как уже было сказано, после 1905 г. переживала национальный ренессанс. На широкие народные массы, то есть более чем на 80% населения, они тогда не оказывали никако-

³⁴ Там же. С. 278.

³⁵ Там же. С. 272.

³⁶ Там же. С. 286; см. также письма Петра Струве Елене Кусковой – П.Б. Струве о смысле русской революции – письма Е.Д. Кусковой. Публикация и комментарии Г.П. Струве / Мосты. Сборник статей к 50летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 207-208, 212-214.

го воздействия. Хотя русские крестьяне и рабочие во время Гражданской войны оказывали постоянное сопротивление большевистскому террору, делали они это не ради национальной идеи, а во имя советской или социалистической демократии (как они ее понимали), или же руководствуясь идеей анархизма – «зеленые» партизаны.

Миссия русской эмиграции

После поражения белых армий Струве в эмиграции продолжил свою борьбу против большевистского режима, теперь политическими и публицистическими средствами. Он остро критиковал представителей тех групп эмиграции, которые были готовы смириться с победой большевиков как со свершившимся фактом. Такую фаталистическую позицию он пренебрежительно называл «фактопоклонством»³⁷. Можно войти в соблазн принять «революцию... за кару Божию, – сказал Струве в одной из речей 1922 г. – Так относились к гонениям первохристиане. Но такое приятие революции не может быть даже обсуждаемо с точки зрения политической или вообще земной»³⁸. Струве с возмущением отметал аргумент: нужно примириться с революцией, так как русский народ в основном принял ее. Это уважение воли народа он считал совершенно неприемлемым «поклонением фактам». Никким образом нельзя путать метафизический дух нации, который кристаллизовался в течение многовекового развития, с сиюминутным эмпирическим состоянием нации или большинства населения. «В отношении революции и ее приятия должен быть с полной отчетливостью поставлен вопрос: в чем выразился лучше и полнее дух русского народа, в согласии ли его на похабный Брест-Литовский мир и последующее разложение и расчленение Державы Российской под диктовку своих русских и инородческих коммунистов-интернационалистов или в том, что тот же русский народ своим стихийным напором под водительством исторической власти, в течение веков строил великое государство и на основе государственной мощи созидал великую культуру»³⁹. Большевистская революция является для Струве своего рода отцеубийством, полным разрывом с великим прошлым России, которое лишь одно может быть единственным источником вдохновения и возрождения России.

Это изгнание большевизма из русской истории России, однако, малоубедительно. Струве сам много раз осуждал глубоко укорененное в русском менталитете искушение революцией, многовековые традиции пугачевщины – жестокого

³⁷ См. Струве. Дневник политика. С. 638-639; П.Б. Струве о смысле русской революции; см. также Кантор. Петр Струве. С. 36-37; Гапоненков А. Концепция и дело культуры в жизни и творческом наследии П.Б. Струве/ Струве. С. 226.

³⁸ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее / Струве. Избранные сочинения. С. 320.

³⁹ Там же. С. 322.

русского крестьянского бунта⁴⁰. В большевизме символически соединились все эти темные стороны политической культуры России, что придало ему дополнительную разрушительную силу. Поэтому попытки поставить под сомнение глубоко русский характер русской революции не имеют никаких оснований⁴¹.

Позже многие аналитики имели аналогичные проблемы с классификацией национал-социализма в немецкой истории. И здесь была тенденция рассматривать 12 лет господства нацистского террора как своего рода «случайность» или «несчастный случай». Такой взгляд так же не историчен, как и попытка отрицать русский характер большевизма. Оба этих режима были связаны с определенными, пусть даже и искаженными, традициями развития политической культуры своих стран. Они не возникли на пустом месте. Однако вернемся к аргументации Струве. Спорен не только его тезис о нерусском характере большевизма, но и его общий вывод о событиях 1917 г. Струве, по существу, не делает качественных различий между демократической фазой революции (февраль-октябрь 1917 г.) и начавшейся после большевистского государственного переворота тоталитарной фазой: «духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс»⁴²; он отмечает «реальный большевистский дух всей революции»⁴³ как народного движения.

Это смешение демократических и тоталитарных аспектов русской революции едва ли оправдано. Февральская революция представляла собой кульминацию начавшейся в декабре 1825 г. борьбы русского общества против государственного патернализма (восстание декабристов). Она завершила начавшийся в 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое государственное сообщество, основанное на разделении властей и признании основных прав. Она устранила все сословные привилегии, гарантировала полную религиозную свободу и свободу слова, устранила неравноправие полов и ввела, раньше, чем многие страны Запада, избирательное право для женщин. То, что этот праздник свободы окончился в октябре 1917 г. печально, было связано со многими ошибками и неиспользованными возможностями молодой русской демократии, с беспрецедентным предательством ее врагов-большевиков, с недалекновидностью германского военного руководства, которое, чтобы прекратить войну на два фронта, поддерживало большевиков – своих «классовых врагов». Но такой конец «первой» русской демократии не был никоим образом предопределен – существовали и иные

⁴⁰ Струве П. Интеллигенция и революция; он же. Идея и политика в современной России / Струве. Избранные сочинения. С. 45-62; он же. Исторический смысл русской революции.

⁴¹ Струве признает «известную народность большевизма», но ограничивается такими второстепенными аспектами, как широко распространенная в России привычка к матерщине: «Большевизм так же непререкаемо народен, как народно похабное сквернословие» (Струве. Избранные сочинения. С. 325). Однако у Струве однозначно преобладает тенденция рассматривать большевизм как силу, чуждую русскому народному организму.

⁴² Струве П. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России / Струве. Избранные сочинения. С. 320; см. также Струве. Дневник политика. С. 242-247.

⁴³ Струве. Прошлое, настоящее, будущее. С. 323.

возможности разрешения тогдашнего кризиса. Но это, однако, совсем другая история.

В этой связи намного важнее тот факт, что большевистская фаза русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывалась на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный за всю русскую историю общественный строй, существовавший очень недолго, сменился самым несвободным.

Преувеличенная критика Февральской революции со стороны Струве, разумеется, вызвана полученной им и все еще не излеченной травмой, вызванной неудачей Февраля. Семен Франк в своей биографии Струве сообщает, какие большие надежды первоначально связывал Струве с этой революцией: «Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами», – говорил он тогда⁴⁴. Струве активно участвовал в работе Временного правительства и был одним из ближайших сотрудников министра иностранных дел П.Н. Милюкова. Когда Милюков в конце апреля 1917 г. после своей ноты в поддержку войны («война до победного конца») вынужден был подать в отставку, Струве также ушел со своего поста и с тех пор с беспокойством наблюдал растущий распад демократических структур в стране. Можно предположить, что вынесенный Струве несправедливый и чрезмерный приговор характеру Февральской революции был следствием преувеличенных надежд, которые он в свое время питал в связи с Февралем.

В первые годы эмиграции (после 1920 г.) Струве все еще был убежден в том, что большевистский режим можно устранить с помощью эффективной военной акции.⁴⁵ Он прославлял боевой дух белой армии⁴⁶ и гневно реагировал на показания свидетелей, которые осуждали злоупотребления, чинимые в районах, контролируемых белыми⁴⁷. Для разработки более эффективной стратегии антибольшевистской борьбы Струве пытался политически и идеологически объединить разнородные группы эмиграции. Этой цели служил организованный им в 1926 г. конгресс эмиграции. При этом Струве снова попал под перекрестный огонь. Для представителей левого крыла эмиграции он был слишком консервативен; для правых монархистов, напротив, чересчур либерален. Так что конгресс эмиграции 1926 г. никоим образом не оправдал надежд Струве. Провалу боевой стратегии монархистов и белых группировок, которые в основном солидаризировались со Струве, способствовало также проникновение в эти группировки советских органов госбезопасности, действовавших под прикрытием подпольной организации «Трест» – детища советских спецслужб.

И как публицист Струве в изгнании не смог достичь того успеха, который он имел в дореволюционной России. В 1925 г. он при финансовой поддержке рус-

⁴⁴ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 111-112.

⁴⁵ Струве. Дневник политика. С. 51, 63-64, 71, 181-184, 314-315, 363, 369.

⁴⁶ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 128-132, 138; Вандалковская. Россия. С. 52; Кара-Мурза А. П.Б. Струве и развитие им концепции личной годности / Струве. С. 158-162.

⁴⁷ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 143-144.

ского предпринимателя Гукасова основал газету *Возрождение*. С помощью этой консервативно ориентированной газеты Струве пытался конкурировать с влиятельной эмигрантской газетой Милюкова *Последние новости*, представлявшей леволиберальное направление. Но и эта попытка провалилась. В 1927 г. Гукасов беспричинно отказал в доверии Струве и передал газету другому главному редактору.

Сосредоточенность Струве преимущественно на политической борьбе против большевизма подвергалась острой критике со стороны его прежних единомышленников, таких, как Семен Франк и Николай Бердяев: они хотели, прежде всего, сконцентрироваться на духовном обновлении России. Только таким путем, а не развертыванием армий интервентов, можно было одолеть большевизм. Такое политическое воздержание своих бывших единомышленников Струве считал своего рода «дезертирством»⁴⁸, «фактоприятием», которое «заключает в себе яд духовной лжи и нравственного извращения»⁴⁹. Струве склонялся к отождествлению точки зрения Франка и Бердяева с позицией возникшего в 1920–1921 гг. движения «Смена вех». При этом он упускал из виду, что «сменовеховцы» духовно капитулировали перед большевизмом в благодарность за восстановление советской властью территориальной целостности русского государства, для Франка и Бердяева же духовный компромисс с большевиками был невыносим (после 1945 года Бердяев, однако, изменил эту свою непримиримую позицию по отношению к советской власти).

После провала своих больших политических и публицистических проектов Струве покинул Париж и переселился в Белград, где он с 1928 г. преподавал в университете⁵⁰. В Белграде Струве был в значительной мере отрезан от важнейших центров русской эмиграции, находившихся в Париже, Праге и Берлине, и страдал от фанатизма русской диаспоры в Югославии, которая в основном состояла из представителей правых кругов. Струве здесь постоянно подвергался диффамации в связи с его социалистическим прошлым. Несмотря на неблагоприятную для него ситуацию, Струве продолжал внимательно наблюдать за развитием политической жизни в России и на Западе, которая существенно изменилась к началу 1930-х годов вследствие побед сталинизма и национал-социализма. Сталинский пятилетний план, имевший целью за короткое время превратить Россию из аграрной страны в мощную индустриальную державу, был тогда восторженно встречен некоторыми национально ориентированными кругами русской эмиграции. Один из идеологов возникшего в 1921 г. в эмиграции движения евразийцев В. Пейль писал в 1933 г. о новой эпохе центрального планового хозяйства, которая уже начинается и идет на смену экономическому хаосу⁵¹. Для

⁴⁸ Там же. С. 135.

⁴⁹ Струве П. Познание революции и возрождение духа / Струве. Избранные сочинения. С. 355-356; он же. Дневник политика. С. 638-639.

⁵⁰ Струве Н. Мой дед П.Б. Струве / Струве. С. 15-16.

⁵¹ Пейль В.А. За идеократию и план // Новая эпоха. Нарва, 1933. С. 3-4.

его единомышленника Петра Савицкого пятилетний план означал конец подражания Западу. В России разработана великолепная модель, которая, в свою очередь, находит все больше сторонников на Западе⁵². Если учесть, что пятилетний план был непосредственно связан с коллективизацией сельского хозяйства, унесшей миллионы жизней советских крестьян и превратившей их в крепостных государства, эти полные эйфории высказывания кажутся особенно странными.

В отличие от них, Струве не питал иллюзий относительно характера сталинской модернизации. В январе 1931 г. Струве писал, что она разрушила все экономические достижения России со времен петровских реформ и реставрировала деспотическую, зависимую от государства экономическую систему Московской Руси. Как и в допетровские времена, Россия отрезана от внешнего мира и застыла в своем развитии. Экономически плановое хозяйство, основанное на беспримерной эксплуатации населения, в итоге потерпит крах, – предрекал Струве⁵³. В другой статье, изданной в декабре 1929 г., Струве предсказывал новую волну террора в СССР, новую фазу кровавого безумия по образцу опричнины Ивана Грозного⁵⁴. Как известно, это предсказание в скорости сбылось.

Реакция Петра Струве на приход нацистов к власти

Первая реакция Струве на возникновение нацистского режима была менее проникательной, чем его реакция на сталинскую «революцию сверху». Так как борьба против коммунизма была для Струве абсолютным приоритетом, он сначала впал в искушение оценивать антикоммунистический нацистский режим не во всем отрицательно⁵⁵. Струве критиковал, правда, гитлеровский антисемитизм⁵⁶, но в то же время он предостерегал от оценки нацизма лишь с точки зрения его антиеврейской направленности. Это, по мнению Струве, также неверно, как отклонять марксизм из-за того, что он разжигает антиславянские предрассудки. Эту параллель американский историк Ричард Пайпс в написанной им биографии Струве комментирует следующим образом: «Этот аргумент игнорирует тот факт, что расизм нацистов был не личным пристрастием их лидера, а стержнем их идеологии, и что, кроме того, в отличие от Маркса, Гитлер имел в своем

⁵² Савицкий П. Очередные вопросы экономики Евразии // Новая эпоха. С. 11-12.

⁵³ Струве П.Б. О судьбах России // Новый журнал. 1983. № 151. С. 163; Pipes R. Petr Struve. Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge Mass. 1980. P. 405-408.

⁵⁴ Pipes. Struve. P. 409.

⁵⁵ См. Струве. Дневник политика. С. 737, 743, 747-748, 759-760, 798. Позитивно, по аналогичным причинам, Струве оценивал в 1920-е годы итальянский фашизм. В этом он не был одинок. Многие политики и аналитики, даже из лагеря либералов, считали тогда Муссолини крупным государственным деятелем, который положил конец политическому хаосу в Италии. См. Pipes. Struve. P. 413.

⁵⁶ Струве. Дневник политика. С. 759-760, 798.

распоряжении неограниченные средства для выполнения своей антисемитской программы»⁵⁷.

Когда до Струве дошли сведения о политических убийствах и открытии концлагеря Дахау, он заговорил, правда, о разразившемся в Германии «массовом безумии» (июнь 1933 г.)⁵⁸. Однако в середине 1934 г. Струве считал заслугой Гитлера спасение Германии от гражданской войны⁵⁹. Пайпс, учитывая двойственное отношение Струве к нацизму, безусловно, прав, когда ставит под сомнение тезис Франка о том, что Струве уже в начале 1930-х годов в полной мере оценил нацистскую угрозу. Франк в своей биографии Струве отмечает, что: «[Струве] уже тогда ... остро сознавал опасность [национал-социализма], именно как разрушительного революционного движения ... Восстал новый враг, быть может, еще более грозный и опасный чем большевизм (хотя в своем существе ему родственный)»⁶⁰. К этому представленному Франком пониманию Струве окончательно пришел, однако, как подчеркивает Пайпс, лишь во время Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г., когда Струве осознал масштабы готовности Запада к капитуляции перед Гитлером. Теперь Струве побуждал политиков к решительным действиям против правозэкстремистской диктатуры и в марте 1939 г. написал предостерегающее послание, адресованное одному из важнейших представителей внешней политики Великобритании Самуэлю Хору, которого знал с прежних времен. Ричард Пайпс так суммировал аргументы Струве: «1. Современная демократия столкнулась с сочетанием индивидуального безумия (психопатической личностью Гитлера) и "массового психоза" "великой культурной нации", которая попала под его влияние... 3. Никакие дальнейшие уступки невозможны: Мюнхен помог усилить внутреннюю власть диктаторов, и, как следствие, уменьшил вероятность вбить клин между диктаторами и их народами... 5. Западные демократии должны создать единый фронт против антидемократических "социалистических" государств: они не должны вступать в союз со Сталиным против Гитлера, потому, что Сталин просто ждет своего часа, чтобы претендовать на место Гитлера». Хор на это письмо, в котором Струве прозорливо предсказал сближение Гитлера со Сталиным, не отреагировал⁶¹.

Так как Струве уже с 1938 г. считал новую европейскую войну неизбежной, ее начало не стало для него неожиданностью. Вскоре после гитлеровского нападения на Польшу Струве писал Франку: «Если я оказался прав в моем предвидении событий, то потому, что я с самого начала понял, что со стороны немцев это не есть политика, а чистое безумие, индивидуальное и коллективное... Исцеление

⁵⁷ Pipes. Struve. P. 417.

⁵⁸ Струве. Дневник политика. С. 772.

⁵⁹ Pipes. Struve. P. 418.

⁶⁰ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 162, 217-218.

⁶¹ Pipes. Struve. P. 432-433.

от безумия – дело нелегкое: оно будет стоить многих человеческих жизней и разбитых существований»⁶².

Критическое отношение Струве к нацистскому режиму, а также марксистское прошлое Струве привели к его аресту гестапо, после того как нацисты в апреле 1941 г. заняли Белград. И после своего освобождения из заключения Струве остался ярким противником нацистского режима, называя его воплощением ада. Струве порвал все отношения с теми представителями русской эмиграции, которые были готовы идти на сотрудничество с нацистами. Когда Германия напала на СССР, Струве, урожденный немец и в то же время русский патриот, не сомневался в том, на чьей стороне он должен быть в этом мировом противоборстве: Струве, – писал Франк, «с момента нападения [Гитлера] на Россию без колебания, без малейшего духовного и умственного смущения, сознал себя духовным участником великой отечественной войны, которую Россия, хотя и возглавляемая ненавистными ему большевиками, вынуждена [была] вести против своего грозного врага»⁶³. В то же время Струве, не доживший до конца войны, предсказывал «необходимость новой борьбы с большевизмом, после разгрома Германии»⁶⁴.

Струве умер 26 февраля 1944 г. в Париже, вдали от Родины. Однако духовно он никогда не покидал ее: почти все его мысли были о России⁶⁵. Его жизнь стала воплощением слов поэтессы Зинаиды Гиппиус о сущности русской эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании».

Струве в 1922 г. сказал о миссии русской эмиграции такие слова: «Одна из особенностей происшедшей в России политической и социальной революции заключается в том, что она духовную жизнь в самой стране свела почти до минимума... жизнь эта сейчас в значительной мере переместилась за границу»⁶⁶. В истории европейских стран ни один «исход» не играл столь важной роли, как в России после 1917 г. «Значение русской "эмиграции" сейчас почти исключительно духовное и, как таковое, оно скажется в России в будущем, когда политическая борьба в современных ее формах отодвинется на задний план»⁶⁷.

В этом своем предсказании Струве не ошибся.

Авторизованный перевод с немецкого Б.Л. Хавкина

⁶² Франк. Биография П.Б.Струве. С. 171; см. также: П.Б.Струве о судьбах России. С. 167; П.Б. Струве о русской революции. С. 213-214; Струве. Мой дед П.Б. Струве. С. 16-17.

⁶³ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 218; см. также Гапоненков. Концепция. С. 230. Точки зрения Струве придерживались во время войны и другие ведущие представители «белого движения», в том числе и генерал Деникин.

⁶⁴ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 218.

⁶⁵ См. Булгаков С. Слово при погребении П.Б. Струве/ он же. Слова. Поучения. Беседы. Париж, 1987. С. 525; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Лондон, 1991. С. 155.

⁶⁶ Струве П. Россия / Струве. Избранные сочинения. С. 334; см. на эту тему также: Степун. Сочинения. С. 434-442, 508, 943; Федотов Г. Зачем мы здесь / он же. Тяжба о России (статьи 1933-1936 гг.). Париж, 1982. С.199-218; Современные записки (1920-1940). Из архива редакции. М., 2012. Т. 1. С. 679.

⁶⁷ Струве. Россия. С. 334-335.